

Метафізика Декарта постає як така система філософствування, яка виступила в історії не лише як передумова становлення Новоевропейського мислення, а і основою для можливості становлення його різних типів, зокрема економічного, марксистський варіант якого прагне одночасно поєднати в собі економічність, історичність і науковість.

Список літератури: 1. *Гребнев, Л.* Между историей и наукой: к анализу проблемы причинности в экономике [Текст] / Л. Гребнев // Вопросы экономики. – 1994. – № 4. – С. 106 – 128. 2. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда; Метод социологии [Текст] / Эмиль Дюркгейм; [пер. с фр.]; изд. подгот. А.Б. Гофман; [примеч. В.В. Сапова]. – М.: Наука, 1991. – 572 с. 3. *Зомбарт, В.* Избранные работы [Текст] / Вернер Зомбарт; [пер. с нем.]. – М.: Территория будущего; М.: Типография «Наука», 2005. – 342 с. 4. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов = Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations: Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations [Текст] / Адам Смит; пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева. – М.: Эксмо, 2007. – 956 с. 5. *Хайдеггер, М.* Бытие и время [Текст] / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В.В. Биbihин]. – Х: Фолио, 2003. – 509 с. 6. *Шмоллер, Г.Ф.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы; Хозяйство, нравы и право; Разделение труда [Текст] / Густав Фридрих Шмоллер; [пер. проф. В.М. Нечаев]. – М.: К.Т. Солдатенков, 1902. – 368 с. 7. *Mirowski, Ph.* Against Mechanism. Protecting Economics from Science [Електронний ресурс] / Ph. Mirowski. – Totowa, New Jersey: Rowmen and Littlefield, 1988. – 264 p. – Режим доступу: <http://books.google.com.ua>.

Надійшла до редколегії 15.02.09.

Рецензент: Л.М. Газнюк, д.філос.н., професор.

УДК 141.32

И.А. ПАНТЕЛЕЕВА, канд. филос. наук, доцент, ДонНУЕТ, Донецк

ПОЛИТИКА «ЯЗЫКОВОГО ИМПЕРАТИВА» АНТИЧНОСТИ КАК ОБРАЗЕЦ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

У статті автор розглядає сутність політики «мовного імперативу» Античності, демонструє, що основою цієї політики є унікальний соціальний феномен — соціальна диференціація за принципом «еллін — варвар». Дана диференціація характеризується двовекторністю, що змінюється під час адміністративних заходів з зовнішньої на внутрішню. Примусова єдина норма впливає на мовний дуалізм грецької мови, на розрив між літературною мовою та мови пересічного громадянина.

Ключові слова: варваризми, мовна норма, декламація, мовний імператив.

In article the author examines the essence of the policy of «language imperative» of Antiquity, shows that in a basis of this policy there is a unique social phenomenon — social differentiation by principle «Hellen- Barbarian». This differentiation is characterized by two-vector direction which changes from exterior to interior during administrative measures. Enforced single norm influences language dualism of Greek language, breakdown between literary language and language of ordinary citizen.

Keywords: barbarisms, language norm, declamation, language imperative.

В статье автор рассматривает сущность политики «языкового императива» Античности, демонстрирует, что в основе этой политики лежит уникальный социальный феномен – социальная дифференциация по принципу «эллин – варвар». Данная дифференциация характеризуется двувекторностью, которая меняется с внешней на внутреннюю во время проведения административных мероприятий. Принудительная единая норма влияет на языковой дуализм греческого языка, на разрыв между литературным языком и языком простого гражданина.

Ключевые слова: варваризмы, языковая норма, декламация, языковой императив.

Понятие «языковой императив» относительно недавно вошел в научный оборот, поскольку нашел свое активное применение лишь в XX веке. Являясь неотделимым элементом языковой политики, он зачастую обозначает любые меры, направленные на поддержку одного конкретного языка. На практике «языковой императив» не предстает как нововведение и «know-how» прошлого века. Преференции в сторону одного языка существовали уже давно, поскольку формирование языковой нормы всегда было приоритетным направлением в процессе формирования государственности с последующими попытками самоидентификации нации. «Языковой императив» имел и имеет место там, где формирование языковой нормы происходит под влиянием административных мер. Культура Древней Греции, выступая парадигмой для последующего развития европейской культуры, наглядно демонстрирует пример так называемого «языкового императива» в процессе формировании единой языковой нормы.

«Греки всегда отчетливо сознавали свое языковое единство, что возможно лишь при существовании таких форм языка, которые выполняли функцию общегреческих или по крайней мере не узко локальных, – отмечает М.Н. Славятинская, – уже с архаических времен мы наблюдаем тот факт, что греческая социально-политическая и культурная жизнь предъявляла повышенные требования к образованию общеупотребительных форм греческого языка. Напомним о ранней, затем Великой колонизации, о всеэллинских спортивных и поэтических состязаниях, об институте проксении, о большом числе метеков в греческих полисах. Кроме того, различные военные, политические, религиозные и экономические причины постоянно заставляли полисы объединяться во временные союзы на самых различных основаниях, что способствовало появлению различного рода койне»¹ [5, с.10].

Начиная с IV века до н.э. более чем в десяти древнегреческих диалектах, языковая культура и научная деятельность Древней Греции, выступают «...как обобщенный древнегреческий образец описания языка в европейском регионе, активный инструмент управления процессами нормирования, а тем самым смысловой дифференциации и отточенности культурного развития многочисленных языков в разнообразных социально-исторических условиях в Средневековье, Новое время и вплоть до наших дней» [1, с.6].

Античная словесность предстает, таким образом, как образец, на который ориентируются и сейчас европейские культуры. А единство их языковых традиций определяют связь с системой и образами, сформулированными греко-латинскими учеными. Взаимодействие искусства речи с другими искусствами, а также знаковыми образованиями в коммуникации наложили отпечаток на форму и содержание языковых практик и их теоретическое описание в древней цивилизации. В рамках греческой философии языка, а затем и грамматики разрабатывались пути регулирования языковой деятельности. Эти важнейшие достижения Античности послужили развитию мыслеобразующей и выразительной функций языка как социальной данности человечества.

Следует отметить, что Античность всегда представляла интерес для исследователей, работающих в различных сферах (С.С. Аверинцев, В.Ф. Асмус, И.В. Бычко, Е.М. Верещагин, П.П. Гайденок, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосев, И.М. Троянский, Э.Б. де Кондильяк, Аббат Дюбо, М. Хайдеггер и др.). Она настолько многоплановая, полна новшеств, при этом, настолько природна и естественна, что любое исследование проблем Античности наглядно демонстрирует гениальность эпохи, неповторимость и неизбежное влияние ее идей на дальнейшее развитие всего человечества.

При многообразии работ, тем не менее, многие вопросы остаются за границами исследовательских интересов. Это объясняется многими факторами, во-первых, описание культурной парадигмы любого исторического периода требует четкого осознания всего имеющегося языкового материала данного времени. А, анализируя Античность, мы сталкиваемся с принципиальными трудностями, прежде всего неравномерным распределением во времени сохранных письменных памятников, их количество и типов.

Во-вторых, естественной проблемой для древних языков является незафиксированность форм устной речи, которые могли бы точно дать объяснение многим культурным фактам. В этом случае исследователи реконструируют устные формы речи на основе различных косвенных фактов, что в свою очередь ведет к субъективизму в исследованиях.

В-третьих, структурные изменения в языке развиваются постепенно, а, следовательно, заметны лишь на больших отрезках времени. Функциональная система греческого языка подверглась резким изменениям в столь короткие промежутки времени², что любые факты, имевшие место спустя 50-100 лет, должны интерпретироваться иначе. «Периоды в 400-500 лет являются для функциональных исследований слишком большими, могущими не столько проявить, сколько, наоборот, затушевать языковую ситуацию», – отмечает М.Н. Славягинская [5, с.13].

Избегая спорных моментов в своих исследованиях, ученые оставляют в стороне многие проблемы, разрешение которых позволило бы пролить свет

на интересные социальные феномены сегодняшнего дня, берущие начало далеко в Античности. Это, прежде всего, касается языковой политики, которая определила жизнь античного социума. Процесс формирования языковой нормы древнего мира, факторы, обуславливающие этот процесс, средства и меры, применяемые со стороны властей, – все это требует осмысления, поскольку способствует объяснению принципов функционирования «языкового императива» еще на заре развития человечества.

В связи с этим, цель нашей статьи – проанализировать политику «языкового императива» Древнего мира, показать, что в основу этой политики ложится принцип социальной дифференциации людей – принцип «варваризма».

Следует отметить, что культура Древнего мира, и языковая, в частности, сформировалась в ходе естественного развития языка. Языковые практики того времени «отчеканивались» в ходе перфомансных баталлий, которые были широко распространены во времена Античности. Практически весь быт, вся социальная деятельность древнего человека была обусловлена языковой культурой, которая, в конце концов, вылилась в общепринятую теорию перфомансной декламации.

Перфомансная декламация базировалась на твердых формах произнесения. И, несмотря на то, что в те времена были расхожими четыре древнегреческого диалекта, она сначала базировалась на правилах дорийского диалекта, речь идет о дорийской декламации, а впоследствии, на правила афинского диалекта, так называемой аттической декламации.

Перфомансная декламация прошла через четыре этапа своего развития: через уникальное единение природы с музыкальной формой напева – рецитации; через магический этап настроенности «музыкальной» гармонии Космоса и поклонения ее законам; через этап этический, этап распознавания этической природы музыкальных структур; и, наконец, через этап эстетический, когда музыкальное вдохновение обрело безграничную свободу выражения. И, в конечном счете, трансформировалась в теории в отдельную науку – риторику, а на практике, она исчезла.

Следует отметить, что на всех этапах своего развития она следовала всем изменениям в социальной «настроенности» публики. Публика и оратор-декламатор (как правило, влиятельный человек) были в единой музыкально-языковой гармонии, определяемой Космосом. Публика, улавливая малейшие недостатки в речи оратора, осуждала его. Оратор, в свою очередь, чтобы избежать осуждения публики четко выстраивал свою речь, избегая чужеродных элементов. Таким образом, процесс формирования языковых правил декламации, в частности, а затем и всей языковой нормы Античности, был четко контролируемый правилами естественного развития языка, а гарантом в этом процессе выступала публика.

Все чуждое культуре, а именно древнегреческому языку, называлось «варваризмом»³. Именно древние греки были первыми, кто сумели четко обозначить свою национальную идентификацию на языковом уровне. Они сформулировали «языково-культурный» принцип самоидентификации: всякий, кто говорит по-гречески, – эллин, всякий, кто говорит на ином языке и придерживается других обычаев, – варвар. Этот принцип четко соблюдался на всех уровнях, изолируя древнегреческий язык от интерференций, которые могли бы нарушать музыкальную основу декламации из-за несовпадений в ударениях.

Интересен тот факт, что согласно историческим сведениям, культура древней Греции в определенной степени сформировалась под влиянием идей прогрессивных в то время государств. Но заслугой древних греков можно считать удачную трансформацию всех этих идей через призму своих национальных ценностей. Они сумели переложить правила древнегреческого языка на номы (интонационные мелодии) и лады заимствованных языковых практик. Ведь никто в своих работах даже не отмечал, что, на пример, дорийская декламация, так широко распространенная и долго просуществовавшая, базировалась на мелодике древнееврейского языка. А многие музыкальные инструменты, сопровождавшие декламацию, были завезены из Персии.

В своем стремлении к абстрагированию от других культур, к созданию «правильного» языка, к избежанию «варваризмов», они со временем стали считать варварским даже латинский язык (например, Секст Эмпирик). Хотя первоначально варварскими назывались лишь народы, не затронутые грекоримской культурой и политической экспансией.

«Языковой императив» того времени был всецело поддержан как «сверху», так и «снизу». Идеологическая и националистическая окраска языковой политики возводила греков в ранг особых людей. Дух патриотизма шел плечо к плечу с самым откровенным и низменным шовинизмом. В этой связи Секст Эмпирик отмечает: «Ведь проводящий такое различие: из людей одни греки, а другие – варвары» – высказывает мысль, равную положению: «если существуют некоторые люди, то они суть или греки или варвары» [8, с.8].

Созвучные идеи мы находим и у Платона. Давая пояснение двум понятиям «война» и «раздор», он отмечает: «Мне кажется, – заявляет Сократ у Платона, – что недаром есть два названия – война и раздор (**povlemovx te kai; stavsix**). Это два разных [проявления], зависящих от двух видов разногласий. Двумя я считаю их вот почему: одно – среди своих и близких, другое – с чужими, с иноземцами. Вражда между своими была названа раздором, а с чужими – войной <...>. Я утверждаю, что все эллины – близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они – иноземцы и чужаки <...>. Значит, если эллины сражаются с варварами, а

варвары – с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо назвать войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором» [4, с.271].

Роль инициативного начало, объединяющего и направляющего эллинов в управлении миром, определяется опять таки в оппозиции к тем, кто считается варварами по сути. У Исократы мы находим следующее высказывание: «Я утверждаю, – Исократ обращается к царю Филиппу, – что ты должен быть благодетелем эллинов, царем македонян, повелителем возможно большего числа варваров (**fhm̃i; ga;r crh'naiv se tou;x me;n {Ellhnax eujergetei'n, Makedovwn de; basileuvein, tw'n de; barbavrwn wJx pleivstwn a[rcein**). Если ты будешь это делать, все будут тебе благодарны: эллины – за услуги, македоняне – если ты будешь править ими как царь, а не как тиран, другие народы – если избавятся благодаря тебе от варварской деспотии и окажутся под покровительством Эллады» [Цит. по 7, с.487].

Настолько сильно было в то время смысловое наполнение понятия «варваризмы», что впоследствии оно не утратило своего отрицательного значения, напротив, больше приобрело негативный смысл, став обозначать любое действие, направленное против культурных ценностей человечества.

«Языковой императив» не представлял собой административные меры против своего населения, он объединял народы Древней Греции, говорящих на разных диалектах, тем самым естественным путем формировал единый язык и единую языковую норму. Он «выходил» за пределы полиса, заставлял всех принимать греков как представителей сильной власти. Принцип «варваризма» был конвенционален, тем самым он «освобождал» языковую норму от теоретического объяснения и фиксации в научной литературе. Это был своеобразный всеобщий «порыв» против всего «чужого».

Экстралингвистические факторы также косвенно благоприятствовали политике «языкового императива» в виде социальной страфикации по языковому принципу и, тем самым, формированию единой языковой нормы. Во-первых, нестабильное политическое положение Древней Греции, войны, культурные и экономические отношения между полисами способствовали появлению столь «модных» в то время идей панэллинизма.

Доктрина панэллинизма явилась своеобразным идеологическим эхом той кризисной ситуации, которая охватила мир греческих полисов, она отвечала расчетам именно тех, кто выражал сокровенные чаяния греческого общества покончить с раздорами, сплотить Элладу и общими силами всех эллинов осуществить завоевательный поход против варваров. «Пелопоннесская война, – отмечает Э.Д. Фролов, – не только обескровившая междоусобной бранью греческие полисы, но и положившая начало новому вмешательству соседних «варварских» государств в греческие дела, дала

новый толчок к размышлению над темой о различии эллинов и варваров и историческом предназначении тех и других» [7, с.470].

Идеи всеобщности были поддержаны и греческой философией, выдвинувшей идеи космополитизма. Данная всеобщность должна была достигаться всеми возможными средствами, среди которых была также идея «всеобщего» греческого языка, иначе говоря «узаконенная» единая языковая норма. Причем данная норма предлагалась со стороны наиболее значимой в социальном плане прослойки: политиками, философами, риториками, поэтами, всеми теми, кто выражал интересы полисной элиты, состоятельной и знатной верхушки греческого общества.

Во-вторых, со временем из-за большой политической экспансии и увеличения «окультуренных» народов греческий язык подвергается интерференциям других языков и диалектов. На захваченных территориях не было «победного шествия» греческой культуры, напротив, было сознательное ее насаждение. Власти проводили сверху культурную и языковую политику, которой сопротивлялось местное население.

«Исторические исследования показывают, что восточные полисы несколько десятков лет после их основания представляли собой замкнутые коллективы, почти не соприкасавшиеся с местным населением и почти не имевшие возможности оказывать друг на друга языковое влияние из-за громадных расстояний между ними. В Египте же, основном центре греческой культуры III в., всегда существовала и продолжала существовать наряду с греческой своя высокая и древняя культура» [5, с.14].

Необходимость в формировании единой языковой нормы заставляют власти уже в III в. до н. э. принимать меры по консолидации населения новых городов. Установление контактов с местным населением (с его косвенной эллинизацией в той или иной степени) а, самое главное, постоянных отношений между отдельными центрами эллинской культуры позволило появиться возможности регулирования языковой нормы.

В качестве эталона единой языковой нормы должен был использоваться уже сложившийся престижный вариант греческого языка. Им стал аттический диалект, но не новый его вариант, общепринятый и одобренный публикой, а консервативный вариант аттического диалекта с ориентацией на каноны «древних»⁴. Аттикизм развивается благодаря усилиям философов, риторов, писателей, которые прошли афинскую школу и пишут на том варианте греческого языка, который обращен к образованным кругам.

Данная ориентация приводит к тому, что «языковой императив» меняет свой вектор с внешнего на внутренний. Декламация ломает свои правила, изменяя декламационную парадигму, «отработанную» веками. Декламация в определенной степени начинает выполнять другую социальную функцию. Она становится «элитарным» искусством, как правило, для развлечения богатых сословий. Эстетическая связь между публикой и оратором теряется.

И как результат, публика и ораторы не разделяют общего желания понимать друг друга, а, следовательно, не понимают и не поддерживают языковую норму.

В это время, с одной стороны, происходит принудительная имплементация разработанного теоретически «единого» языка, а, с другой стороны, продолжают на практике развиваться диалектальные формы древнегреческого и других языков, завоеванных народов, начинается процесс формирования национальных языков. Чем больше язык находит свое теоретическое объяснение⁵ и трактование, основываясь на классические каноны, тем больше происходит разрыв между научным и бытовым языками.

Как отмечает И.М. Троянский: «Архаическое течение в греческой культуре, укрепившееся с наступлением римского владычества, получило непосредственное отражение и в литературе. Его результатом было торжество аттицизма, ориентации на язык и стиль аттической прозы. Аттицизм был реакцией против стилевых тенденций, господствовавших в эллинистической литературе, возвращением к «классикам», или, как выражались сами греки, к «древним». «Подражание древним» было литературным лозунгом движения. Аттицизм прежде всего знаменовал реформу литературного языка. Из него были устранены те слова и обороты, которые не встречались у признанных «каноническими» аттических прозаиков. Между тем литературный язык аттической прозы V - IV вв. уже отличался от живого «общего языка» эллинистического времени, с его значительной примесью ионизмов и многочисленными новообразованиями. В этом отношении аттицизм создавал пропасть между письменным языком, которому нужно было учиться у аттических авторов, и языком живой речи, омертвлял всю языковую систему. Литература верхов окончательно рвала с народом» [6, с.240].

Победа аттицизма запечатлелась на всей дальнейшей истории греческого и других европейских языков. Дуализм письменной аттической и живой речи так и не был преодолен. Перфомансная декламация как общественный гарант правильности естественного языка теряет свою силу и исчезает. Появляется новая, теоретически-обоснованная наука – риторика, которая все чаще и чаще допускает использование «варваризмов» для украшения речи.

При этом наблюдается еще одно явление, связанное с социолингвистической проблематикой. Речь идет о наличии социальной семантики диалектов, проявившихся в противопоставлении двух типов эллинистической языковой дифференциации. Понятие «варваризм» начинает применяться по отношению и к своим гражданам, все чаще и чаще встречается противопоставление «эллинизм-варваризм»⁶. «Варваризм» обозначает «слово против обычая преуспевающих» (буквально тех, у кого есть благоволение божества – *eu-daimon*). В таком случае «варваризм»

понимается как просторечие: речь низов, речь людей, у которых нет ни славы, ни богатства.

Со временем греки пошли еще дальше. В попытке обосновать правильность предлагаемой и навязываемой «грамматистами» языковой нормы, они уличают в варварстве даже известных и признанных историков, философов, риторов, политических лидеров, которые не использовали староазиатский диалект греческого языка. В этой связи Секст Эмпирик отмечает: «... было бы справедливо ревностно исследовать наукоучение грамматики ... потому, что грамматики очень ею чванятся и из-за нее много о себе думают, постоянно нападая на людей, украшенных прочими науками, как на ничего не понимающих в общем обиходе греческой [речи]. [Нужно это делать] еще и потому, что когда их теснят в споре, то они, часто не находя другого способа пересилить своих соперников, прибегают к тому, чтобы квалифицировать сказанное этими последними как нечто варварское и по языку исковерканное. Не в последнюю очередь, ободряет нас здесь и то обстоятельство, что мы видим, как грамматики, которые не в состоянии правильно связать двух слов, стремятся уличить в варварстве каждого из древних писателей, могучих в красноречии и в греческой речи, каковы Фукидид, Платон и Демосфен» [8, с.72].

Тем самым можно отметить что, первоначальная «уникальность» языкового императива Античности – применимость его к представителям, говорящем на другом, не греческом, языке – утратилась. При этом он дал начало другому трактованию этого феномена. В наше время это применимо к языковой политике страны с таким социальным явлением как би/мультилингвизм, где привилегии отдаются только лишь одному языку и возникает необходимость в его «силовой» поддержке.

Античность как колыбель европейской культуры продемонстрировала много наглядных примеров путей дальнейшего развития социума. Она выступила тем образцом, который так и не мог быть отвергнут никем даже после падения такой великой империи.

Сделаем выводы. Культура Античности характеризуется рядом особенностей, среди которых можно назвать принцип «языкового императива» как один из образцов формирования языковой нормы Античности. Древние греки впервые провели, так называемую, самоидентификацию нации, применяя принцип «варваризма» лишь к тем, кто не говорил по-гречески или говорил неправильно. В данном порыве все были одинаково равны, что, в свою очередь, указывает на сформировавшуюся ментальность древних греков в сторону своей уникальности, именно на языковом уровне. Многие факторы как лингвистические, так и экстралингвистические ведут к созданию единой языковой нормы, предлагаемой элитой того общества с опорой на труды «древних», которые использовали в своих произведениях староаттический вариант греческого

языка. Население греческих полисов, говорящее в основном на новоаттиченском диалекте, отказывается принимать ново «предложенную» языковую норму. Тем самым, утрачивается языковое единство и проводится внутренняя социальная дифференциация: кто говорит правильно – эллин, кто говорит иначе – варвар. С данным принципом возникает языковая страфикация общества, что в свою очередь, влияет на распад единой нации.

Приоритетным направлением в разработке данной темы может быть исследования основ и особенностей перфомансных практик, базирующихся на принципах «языкового императива».

Примечания: 1*. Койне (от греч. *koinē diálektos* – общий язык) – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков. Первоначально этот термин применялся к общегреческому языку, сложившемуся в эллинистический период на ионийско - аттической диалектальной основе и служившему единым языком деловой, научной и художественной литературы Греции до II-III вв. [2, 230]. 2*. Речь идет об изменениях в социально-экономических и культурно-политических отношениях в пределах одной исторической формации – рабовладельческий строй с его периодами: патриархальный, классический, эллинистический, римский. 3*. Варваризмы (от греч. *barbaros* - чужеземный) – иностранные слова и выражения, не полностью освоенные языком и воспринимаемые как чужеродные. 4*. Следует отметить, что в IV в. до н.э. в Аттике уже господствует новоаттический диалект при жизнеспособности и употребительности староаттических норм. Аттический диалект представлял собой образование разговорного и литературного языков с различными функционально-стилистическими вариантами, где использовались нормы старо- и новоаттического диалекта с элементами социального варьирования. Противопоставление наблюдается между языком исторических, философских и ораторских произведений, т.е. так называемый литературный язык, и языком устной обиходной речи – метеков, торговцев, ремесленников, рабов. 5*. Зачастую теоретические объяснения носят субъективный характер из-за неустойчивости языковой нормы и использования различных литературных источников. 6*. Следует отметить, что в период формирования и расцвета полиса греческий язык почти не имел социальных вариантов. Как указывает М.Н. Славятинская: «Это было связано с принципиальным равенством членов гражданской общины и с гомогенностью населения, поскольку рабы, являвшиеся в подавляющем большинстве пленниками-варварами, составляли не только в правовом, но и в языковом отношении совершенно отдельную массу» [5, 22].

Список литературы: 1. *Гаспаров, М.Л.* Литература европейской античности [Текст] / М.Л. Гаспаров // История всемирной литературы. Соч. в 9 т. – М., 1983. – Т.1. – С. 306 – 312. 2. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Текст] / Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с. 3. *Лосев, А.Ф.* Ранняя классика [Электронный ресурс] // История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – Т.1. – М. : «Высшая школа», 1963; «АСТ», 2000. – Режим доступа: www.ihitk.lib.ru. 4. *Платон* Государство [Текст] / Платон // Диалоги. Книга вторая; пер. с древн. греч. – М.: Эксмо, 2008. – 1360с. 5. *Славятинская, М.Н.* Древнегреческий язык как функциональная система (некоторые проблемы описания греческой языковой ситуации) [Текст] / М.Н. Славятинская. // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. – 1987. – Вып. IX. – С.5 – 23. 6. *Троянский, И.М.* История античной литературы [Текст] / И.М. Троянский // Серия «Школа классической филологии». – М.: Изд. УРСС, 2005. – 464с.

7.Фролов, Э.Д. Греция в эпоху классики (Общество. Личность. Власть) [Текст] / Э.Д. Фролов. – СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 602 с. 8.Эмпирик, Секст, Сочинения в двух томах [Текст] // Секст Эмпирик ; пер. с древнегреч. – Т.2. – М., «Мысль», 1976. – 421с.

Поступила в редколлегию 1.02.2009.
Рецензент: докт. филос. наук, проф. К.М. Узбек

УДК 141.7 + 821.161.1-1

И.Б. УСТЮЖИН, ст. преп. ХНУ им. В.Н. Каразина

ИСТОРИОСОФИЯ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА: «ВНУТРЕННИЕ ГОЛОСА» В «ANNO MUNDI ARDENTIS» [*1]

У статті вперше на пострадянському просторі аналізується програмний цикл «Внутренние голоса» Кримського поета та мислителя Максиміліана Волошина (1877–1932). Доведено, що в циклі є теософські та антропософські тенденції, які на початку 1910-х років визначали характер життєтворчості поета, а сам цикл уявляє собою есхатологічне осмислення поетом-візіонером подій Першої світової війни та тенденцій новітньої історії.

Ключові слова: есхатологія, історіософія, теургія, цикл, візіонерська поезія.

В статье впервые на постсоветском пространстве анализируется программный цикл Крымского поэта и мыслителя Максимилиана Волошина (1877–1932) – «Внутренние голоса». Доказано, что в цикле присутствуют теософские и антропософские тенденции, определявшие в начале 1910-х годов характер житетворчества поэта, а сам цикл представляет собой эсхатологическое осмысление поэтом-визионером событий Первой мировой войны и тенденций новейшей истории.

Ключевые слова: эсхатология, историософия, теургия, цикл, визионерская поэзия.

The article elaborates on *Inner Voices*, the first cycle of Maximilian Volochine's (1877–1932) book of metaphysical poetry *Anno Mundi Ardentis*. 1915. It is argued that in harmony with contemporary Theosophy and Anthroposophy the visionary poet sees the beginning of Word War I as an eschatological event and predicts the end of the «fourth» civilization.

Keywords: eschatology, philosophy of history, *theurgia*, cycle, visionary poetry.

Освоение литературного, философского и художественного наследия одного из титанов «русского ренессанса» (Н. Бердяев) М.А. Волошина является одной из наиболее **актуальных** проблем философии культуры. За истекшее семилетье, словно наперегонки, симферопольские, московские и петербургские издательства опубликовали несколько ценнейших первоисточников [15 ; 16 ; 18 ; 21], которые требуют пристального внимания и комплексного осмысления. Данная статья представляет собой **первую** (из известных автору, стоящему, конечно же, «на плечах гигантов» [8 ; 9 ; 22 ; 24]) попытку анализа поэтического цикла «Внутренние голоса» (1914-1915) в свете мистико-философских воззрений поэта.